

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ХРОНОТОП ДОРОГИ (ФÆНДАГ) В ОСЕТИНСКОЙ «НАРТИАДЕ»

М. В. ДАРЧИЕВА

Хронотоп, объединяя вечные онтологические понятия времени и пространства, способствует целостному восприятию художественного произведения, создавая особый фон повествования. Сам по себе мотив дороги является одним из наиболее часто встречающихся в мировой литературе. В символическом плане дорога представляет олицетворение жизненного пути человека от рождения до смерти, а в некоторых культурах (в том числе осетинской) и сама смерть представляется началом пути. В обоих случаях мы имеем дело с универсальной метафорой, имеющей фольклорно-мифологическую основу.

Относительно славянского фольклора понятие «дорога» проанализировано Е. Е. Левкиевской в статье, данной в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», согласно которой, это семантически многозначный и функциональный, сакрально и ритуально значимый локус [1, 124]. По мнению О. А. Черепановой, «вхождение в структуру хронотопа является и следствием, и причиной многих символических смыслов понятия и лексем пути, дороги, выступающих как семиотический код в реализации ряда оппозиций, формирующих ментальную и вербальную картины мира [2]. Не является исключением, на наш взгляд, и хронотоп дороги.

С точки зрения традиции собственно дорога представляет собой сюжетно организованный текст, в линейной последовательности развивающийся от момента ухода до момента возвращения [3, 11]. В ли-

тературном романе хронотоп дороги был рассмотрен М. М. Бахтиным, при этом ученый отмечал его значимость и в фольклоре: «...дорога в фольклоре никогда не бывает просто дорогой, но всегда либо всем, либо частью жизненного пути; выбор дороги – выбор жизненного пути; перекресток – всегда поворотный пункт жизни фольклорного человека...» [4, 271] В современной осетинской повести архетип дороги был подробно рассмотрен И. В. Мамиевой в отдельном параграфе монографии «В поисках слова: автор и герой: динамика взаимоотношений» [5, 289-296], где затрагиваются и вопросы хронотопа. Автор приходит к выводу о том, что архетип дороги, будучи таким же «первообразом», как «жизнь и смерть», «дом», «очаг» и т.д., «многомерно и художественно значимо реализуется в структуре произведений как ведущий системный фактор» [5, 296], при этом не последнюю роль играют этническая память и универсальные архетипические образы.

Хронотоп дороги затрагивает практически все фольклорные жанры, однако ярче всего проявляется в сказочной прозе и эпических текстах. В. Я. Пропп писал: «В сказке и в эпосе действие очень часто начинается с того, что герой выезжает из дома. Путь героя как бы представляет ось повествования. Это – древнейшая форма композиции. Повествование кончается либо возвращением героя домой, либо прибытием его в иной город или иную землю. Сюжеты, которые строятся иначе, в целом – более позднего происхождения. Сюжеты

баллады не подчинены этому, и это – один из признаков более позднего происхождения ее. Такая композиция особенно характерна для эпоса» [6, 92]. Действительно, именно в эпосе мотив дороги раскрывается ярче всего.

К примеру, для русской былинной традиции ситуация выбора пути в некотором смысле обязательный компонент сюжета, достаточно вспомнить богатырей на распутье. Осетинские эпические тексты обнаруживают сходный мотив, однако нельзя назвать его характерным, ввиду редкого упоминания: «Уырызмаг дзурын байдьыдта, куйд хистар уыд, афтæ:

– *Æз иухатт балцы ацыдтæн. Æртæ фæндаджы уыди иу ран. Иу «ацу æмæ æрцу» – ахам фæндаг; иннæ та: «ацу, æмæ, æрцæудзына æви не 'рцæудзына, уый бæраг най»; аннæ та: «ацу æмæ нал æрцæудзына». –*

Уырызмаг начал рассказывать, поскольку он был старшим:

– Я однажды ушел в *бали*. **Три дороги** было в одном месте. Одна «пойдешь и вернешься» – такая дорога; а другая – «пойдешь, и не известно, вернешься или не вернешься»; а третья – «пойдешь и не вернешься» [7, 207].

В Нартовском эпосе, если перед героями-близнецами возникает распутье трех дорог, они расходятся по двум, решая вернуться по третьей: «*Æртæ фæндаджы ныхмæ бахæцца сты, нысан дзы сывæрдтой æмæ загъыни; Цæуæм фæйна фæндагыл фæйнардæм æмæ, фæстæмæ цæугайæ, æртыггаг фæндагыл уæд на сæмбæлд. Чи на раздæр æрцæуа, уый-иу на нысанмæ 'рхæсæд æмæ-иу иннæмæ фæлаууæд*». – Дошли они до **распутья трех дорог**, поставили там знак и говорят: «Разойдемся по двум дорогам, а возвращаясь, пусть на третьей дороге будет место нашей встречи. Тот, кто вернется раньше, пусть посмотрит на метку и подождет другого» [8, 172].

На распутье дорог стоит обращенный в камень нарт, которого Сослан пытается вернуть к жизни («*Æртæ фæндаджы астæу уыди дурын цырт...* – Посреди трех дорог

был надгробный камень» [8, 394]), но чтобы получить ответы на свои вопросы, Сослану необходимо сначала совершить традиционный ритуал – положив руки на камень, произнести поминальный текст. Только после этого Сослан получает ответы, и становится понятно, что камень не удастся обратить снова в нарта. В кадаге говорится, что с того случая берет свое начало поминальная традиция прикладывания рук к надгробному камню. Перепутье семи дорог, так же как распутье трех, встречается в эпосе: «*Ацыди Уырызмаг æмæ авд фæндаджы астæу йæ хицæн мусонг ыскодта. – Пошел Уырызмаг и на перепутье семи дорог построил себе шалаш*» [8, 345]. Чаще этот мотив связан с закаливанием нартовского Сослана, для чего Уырызмагу необходимо собрать сто бурдюков волчьего молока.

Уточнения требует употребление лексем «перепутье» и «распутье», которые в современном русском языке являются полными синонимами, и все же некоторые отличия, на наш взгляд, имеются. Распутье – разъездная дорога, развилина, место, где сходятся или *расходятся* дороги [9, IV, 73], тогда как перепутье – *перекресток*, где один путь лежит поперек другого [9, III, 78]. Получается, что распутье образовано тремя расходящимися дорогами, четвертая – та, которая привела к трем, обратный путь; пересечение большего числа дорог правильнее назвать перепутьем.

Вообще, архетип дороги в осетинской «Нартиаде» репрезентирован особым образом, в связи с чем целесообразным является вычленение групп сюжетов, актуализирующих хронотоп дороги. Среди них: предприятие завоевательного похода; перегон стад на зимние пастбища; путешествие эпического героя в поисках достойного соперника *тыхагур*; охота *цуан* и др. Сюжетообразующую роль в кадагах о нартах играет собственно путешествие, в частности, такая его разновидность, как *бали* – завоевательный поход, предпринимаемый лучшими из нартов [10]. Среди основных черт завоевательного похода – его иници-

ационный характер, определенная заранее длительность (чаще – год), а также сугубо завоевательная цель. Согласно М. М. Бахтину, «...выход из родного дома на дорогу с возвращением на родину – обычно возрастные этапы жизни (выходит юноша, возвращается муж) ...» [4, 271]. Такое путешествие, по понятным причинам, не может проходить гладко, без препятствий. Другая группа сюжетов концентрируется вокруг охоты эпического героя на диких зверей. Эта разновидность путешествия, естественно, отличается от предыдущей длительностью и постановкой цели, но одина в наличии мотива дороги.

И. И. Меркулова выделяет среди особо важных моментов в хронотопе дороги значимость в системе метафорического мышления: «Человеческое сознание с опорой на хронотоп дороги выстраивает модель мироздания, репрезентируя в метафорах пути свои знания об окружающем мире, человеческом обществе, представления о самом себе, своем месте в социальном бытии, процессы познания» [11, 233] и приводит в подтверждение метафоры типа *Путь познания, Путь труда, Путь греха*. К этому можно добавить, скажем, *Дорогу знаний*.

К подобного рода метафорам в осетинских эпических текстах относятся синонимичные *сæфтты фæндаг* (дорога смерти, гибели), *фæциу æмæ марциуы фæндаг* (букв. дорога «пойди и не вернись»), *сæрсæфæн фæндаг* (дорога гибели), *фыдбылызы фæндаг / тæссаг фæндаг* (опасная дорога). В последних, впрочем, определение ближе к эпитету, однако, исходя из контекста, их можно объединить с предыдущими словосочетаниями на основе значения: «Хуцау зонуй, цæйбæрицæ фæциудайонцæ, уæдта еу тар гъæдæмæ бахъæрдтæнцæ, уоми Сирдони исаразтонцæ *фидбилизи фæндаг-бæл*. – Бог знает, сколько они шли, но затем пришли они в один темный лес, там отправили Сырдона по опасной (букв. несчастной) дороге» [12, 143]; «*Царциаты тæссаг фæндагыл ацу æмæ дыл дæ фырттæ æмбæлдзысты*. – По *Царциатской опасной*

дороге иди и встретишь своих сыновей» [13, 139]; «*Еугуыппартæ Хураны фæциу æмæ марциуы фæндагыл бафтыдтой, стæй сæхимæ фæцидысты*. – Еугуыппары Хурана отправили по дороге погибли и вернулись домой» [13, 50].

Богатство и метафоричность языка фольклора проявляется в обозначении представляющей опасность дороги: «*Уымæн (Адæу-æлдарæн. – М. Д.) йæ хæрæфырт афтæ 'рхæсгæйæ нæу: йæ хæдзармæ кардыкомыл фæндаг и. Йæ бацæуæнты сæрдасæнтау æгъæнциъытæ ис. Хæдкæрдгæ сты, хæддæуæгæ сты. Уыдон æм цъиу батæхын нæ уадзынц. Науæд куы бацæуай, уæд дæм, мыййаг, йæ хуыссæнæй нæ систдзæни. Ис æм æртæ 'фсæн рæхысы: ууæй зæххыл арт æндзары, иннаемæй уæларвыл зынг æфтауы, æртыккагæй дæлдзæхы цахæр уадзы... Уæд æм куыд бацæудзынæ? Нарты сыхы ахæм бæх нæй – Уырызмæджы Æрфæнæй нæ зæгъын – æмæ уырдем цауын дæр чи бафæраза!.. – Его (Адау-алдара. – М. Д.) племянницу не так легко умыкнуть: к его дому ведет **опасная дорога** (букв. **дорога на острие ножа**). На входе – острые лезвия. Они режут и перемещаются без чьей-либо помощи. И птица не пролетит к ней. Или, если войдешь, он ведь не встанет со своей кровати. У него есть три железные цепи: одной из них он разжигает огонь на земле, другой – на небе высекает пламя, а третьей – под землей искры разметает... Как ты к нему подберешься? В квартале нартов нет такого коня – не говорю об *Арфане Уырызмага* – который смог бы туда добраться» [14, №9, 112-113]. *Кардыкомыл фæндаг* (дорога на острие ножа) – устойчивая формула, характерная для фольклорных текстов. Этот отрывок дает также представление о пространственной организации миров, объединяемых железными цепями, высекающими огонь на земле, на небе и под землей.*

С мотивом пути соприкасается мотив дома / родного очага, т.к. он является отправной точкой, началом путешествия. В работе Т. Б. Щепанской говорится о том,

что в русской ритуальной и фольклорной традиции, дом определенно противопоставляется дороге – локусу, образу и нормативному комплексу: «Традиция утверждает принцип оборотности как основной принцип соотношения между дорогой и домом, вместе с тем противопоставляя правила дорожного и домашнего поведения» [3, 28]. Щепанская приводит некоторые подтверждающие факты, среди которых – восприятие дороги как иного мира, представления об опасности, которую несет дорога для дома и его обитателей и др.

В связи с этим, особого рассмотрения в осетинских эпических текстах требует хронотоп порога (*къасæр*), имеющего большое значение и в традиционной осетинской культуре; это тема отдельного исследования. Однако, возвращаясь к восприятию дороги как «чужого» пространства, следует выделить несколько видов пути в осетинском эпосе.

Бынваендаг – дорога, проходящая под землей (*зæххы бынты фæндаг* [8, 478]): «Ахам уынгаджы нукуыма фæсты Нарт. Сæ хæдзæрттæй се скъæттæм **бынваендаг** ыскодтой, æмæ сæ фосмæ афтæмæй зылдысты. – В такой тесноте никогда еще не пребывали Нарты. От своих домов до хлебов они провели подземную дорогу, и так ухаживали за своей скотиной» [14, №10, 86]. Согласно словарю Т.А. Гуриева, *бынваендаг* – подземная дорога, которой пользуется нечистые силы. Поскольку для нартов не было запретных зон и дорог, они свободно по ней проходили [15, 30]. В первом случае, как видим, подземная дорога не представляет опасности для нартов, лишь создает неудобства, но при этом является частью «своего» пространства, тогда как в интерпретации Гуриева – это область нечистой силы.

Дорога в царство далимонов (*дæлимонты фæндаг*) открывается нартам по научению одного из небесных покровителей: «Уæ разы къæйы кæрон сæхъхъис бæндæн ис. Уыцы бæндæныл арт андзарут. Бæндæн басудздæн, æмæ къæй ахаудзæн. Стæй уын **дæлимонты фæндаг** байгом уыдзæн. – Пе-

ред вами на конце каменной плиты есть витая веревка. Подожгите эту веревку. Вережка сгорит, и плита отойдет. Затем откроется вам **дорога далимонов**» [8, 159]. Часть дороги в царство далимонов – вход в ад – называется в кадагах *Сарыхъæрзæн* [8, 485].

И в царство мертвых ведет особая дорога. Так, в одном из кадагов Сырдон говорит перед смертью своей жене: «...*мæбæл мæдхъун кæрца ма фæддарæ, тæвдæ кæрдзин хуæргæй дæр ехгун дон дæр ма фæнниуазæ, уæд мин **Мæрдтивæндагæй** зин уодзæнæй!* – ...не носи вывернутую шубу, и после горячего чурека не пей ледяную воду, иначе мне **по дороге в царство мертвых** будет тяжело!» [12, 44].

В противовес земным и подземным дорогам, для некоторых нартов открыта **дорога, ведущая на небо**. В числе этих эпических героев – Батрадз: «*Нартæ дæ сæхимæ кæныны, æмæ цæм фæциу, уæларвмæ дын алы хатт дæр ис **фæндаг** æмæ дын уæларвцæрджитæн се мвынг та – бынат.* – Нарты зовут тебя к себе, отправляйся к ним, на небо тебе всегда открыта дорога, и есть у тебя место за столом среди небожителей» [8, 433]. Дорога на небо доступна лишь избранным эпическим героям.

Разновидностями дороги являются, скажем, проезжая дорога, пешая тропа и др. Приведем несколько отрывков: «*Сослан дæр дзурын байдьидта. Цуаны, зæгъы, ацыдтæн, æмæ тæхгæ цъиу дæр не ‘ссардтон, æмæ иу **къахвæндагыл** бафтыдтæн, æмæ ма хъæды астаумæ бахаста.* – Сослан начал говорить. Пошел, говорит, я на охоту и не нашел даже птицы, и наткнулся на одну **пешую тропу**, и привела она меня вглубь леса» [16, №8, 77]; «*Хохæй æрдузы астау иу **къахвæндаг** скодта (бæх. – М. Д.) æмæ алырдæм дæр цæуы уыцы **къахвæндагыл**.* – От горы до поля он (конь. – М. Д.) протоптал **тропинку** и ходит по этой **тропе** [17, 246]; «*Уæд лæппу ацыди разæй, æмæ йæ бæхы комы тæфæй **уæрдонвæндаджы фæтæнæн фæндаг** уыдис салд зæхх хусæй, уый, уый тыххæй æмæ мит тайгæ кодта.* – Тогда мальчик пошел впереди, и от дыха-

ния его коня дорога, шириной в проезжую (дорога, по которой проедет арба), была мерзлая и сухая, потому что снег таял [7, 316]. Последний мотив характерен практически для всех вариантов кадага о безымянном сыне Уырызмага.

Еще один вид тропы – *лæзгъæр*: «*Æртыккаджы æрвийæфта лæзгъæрыл, скъуырдатæ йæ æмæ уый дæр фæсхъуудтæ. Уый адыл уый та «Лæзгъæр» схуыдтой.* – Третьего она догнала на прогоне, столкнула его, и он тоже отскочил. Поэтому его называли «Лæзгъæр» (*лæзгъæр* – дорога на пастбище и водопой)» [13, 80]. В комментариях к «Легендам о Царцаиата» говорится, что *Лæзгъæр* или *Сæгты лæзгъæр* находится на скале над селением Едыс, это протоптанная домашним скотом тропинку, идущая по склонам гор.

Оппозиция *известный – тайный* применима к хронологу дороги, скажем, во время сражения нартов с врагами: «*Æфсад æрхуы маesyмаæ куыд цыдысты, афтаæ цæ Уæрхтæнагæ цæгъдынтæ систа. Иннардыгæй цæ Уæрхæгæ нæ уагъта, маesyджы бынмаæ цы сусæг фæндаг уыд, уырдаæм.* – Как подошли войска к медной башне, так Уархтанаг их истреблял. А с другой стороны Уархаг не подпускал их к **тайной дороге**, которая вела к подножию башни» [8, 120].

Опасность, исходящая от дороги, может быть нейтрализована героем с помощью каких-либо магических действий. Характернее этот мотив для сказочной прозы, но встречается и в эпических текстах. Так, интерес представляет следующий пример: «*Цæуыны та дарддæр. Иу ран сыл хох æрбахгæдта, калм кæм абырыдаид, ахæм нарæг фæндаг ма дзы аздади. Батрадз та фæрсы йæ бæхы:*

- Ахиздыстæм ацы фæндагыл?
- Ахиздыстæм, фæлаæ раздæр йæ сæр цы калм фæхъил кæна, уый сæр дыууæ дихы фæкæн.

Араст сты нарæг фæндагыл, иу калм йæ сæр фæхъил кодта, Батырадз æй нырриуыгъта, æмæ калмы сæр дыууæ дихæй аздади. Нарæг фæндаг уæрдонвæндаг фæстад. – Идут они дальше. В одном месте за-

городила их гора, осталась настолько узкая дорога, что только змея могла бы проползти. Батрадз снова спрашивает своего коня:

- Пройдем мы по этой дороге?
- Пройдем, но разрубь надвое голову той змеи, которая первой поднимется.

Отправились они по узкой дороге, одна змея подняла голову, Батрадз ударил ее, змеиная голова разделилась надвое. **Узкая дорога превратилась в проезжую**» [18, 267]. В эпических сказаниях конь может дать герою совет в преодолении сложного пути, либо самостоятельно перейти преграду: «*Йæ размаæ уæд куы фæвзæрд Уæйыджы хох, Уырызмаæджы бæх æй куы скъуыры, фæндаг куы акæртт кæны, æмæ фос куы рацæуыны.* – Перед ним тогда встала гора Уаига. Конь Уырызмага толкнул ее, **прорубил в ней дорогу**, и скот прошел по ней» [7, 450]. Здесь же еще одна разновидность дороги – *уæрдонвæндаг* < *уæрдон* (арба, повозка) + *фæндаг* (дорога).

Из двух основ состоит и лексема *барвæндаг* < *бар* (воля, право) + *фæндаг*: «*Нарты фæсивæдæн тынг æхсызгон уыдис, кæй никуыцæй уал зыныны Уæрхтæнагæджы хъæбатыр фырттæ, уый, уымæн æмæ сын Æхсар æмæ Æхсартаг барвæндаг нал лæвæрдтой, кодтой сыл тых.* – Нартовской молодежи отрадно было, что отважные сыновья Уахтанага не появляются больше, потому что Ахсар и Ахсартаг не позволяли им свободно ходить (букв. не давали вольной дороги), превосходили их в силе» [7, 30].

Нельзя обойти вниманием и два других понятия, содержащих в составе 'фæндаг' и, безусловно, дополняющих архетип дороги – *хæдзарвæндаг* и *иронвæндаг*. «*Нартæ фæцин кодтой æмæ загътой:*

- Цæлæцион фырттæ йын райгуыраед, æгайтта сæ зынг нæ бануæрстой Уæрхæджы хæдзарвæндаг.
- Нарты обрадовались и сказали:

– Пусть родятся у нее жизнеспособные сыновья, хорошо, что останется потомство у **потомков** Уархага» [18, 28]. *Хæдзарвæндаг* может восприниматься как один из базовых концептов традиционной культуры

осетин. Лексема состоит из двух основ – *хадзар* (дом) + *фæндаг* (дорога) – и имеет два значения: 1) родословная; 2) выходцы из одного дома (семьи), потомки. В приведенном выше отрывке лексема употребляется во втором значении.

Иронвæндаг также состоит из двух основ (*ирон* – осетинский + *фæндаг* – дорога) и означает ритуал в похоронном обряде, когда женщины подползали на коленях к гробу умершего, рвя на себе волосы и истязая себя ударами. Из кадагов о нартах можно привести следующий пример: «*Сатана бацъидис æмæ иронвæндаг бакодта æмæ фæстæмæ рацъидис æмæ бæхы фарсæмæ слæууидис...*» – Шатана вошла и совершила ритуал *иронвæндаг*, и вышла, и стала возле коня...» [17, 288] Употребимы были два варианта: устойчивое словосочетание *ирон фæндаг* и сложное слово *иронвæндаг*, однако в современном осетинском языке наблюдается архаизация лексем, в связи с тем, что ушло из жизни обозначаемое явление.

Изначальная хронотопичность дороги обоснована восприятием пути как пространства, но обязательно осмысливаемого в категориях времени, эта мысль подтверждается и высказыванием М. М. Бахтина о том, что «...метафоризация дороги разнообразна и многопланова, но основной стержень – течение времени» [4, 392]. Помимо обычного понимания времени в его связи с пространством, в «Легендах о Царциата» встречается интересный синтез дороги (как части пространства) и времени: «*Хъуыддагыл быцау – рæстæджы фæндаг. Уæ зардыл дарут: уæ сæфты сахат у махæн хæснаг.*» – Пререкание по поводу дела – дорога времени. Помните: час вашей смерти для нас предмет спора» [13, 146].

Т. В. Щепанской описаны результаты проведенного ею Интернет-опроса, в котором требовалось продолжить фразу «Дорога – это...». Ответы были сгруппированы по тематике. Одна из них – определение дороги в терминах времени, что связывается автором с идеей изменения: «дорога – это “вре-

мя; отнимает много времени; ощущение времени другое, скорее – выпадение из времени; промежуток между До и После; путь от смерти к рождению и дальше”» [3, 27]. Эпическое время тем более хронотопично, что зачастую протяженность пространства измеряется во временных категориях. К примеру, *бонцъид / бонцау* (путь, преодолеваемый за один день), *къуырицъид* (пространство, преодолеваемое за неделю) и т.д.

Собственно дорога в эпических текстах имеет начало и конец, выделяются отдельные отрезки, части. Мать одного из нартовских врагов выходит навстречу нартам с мольбой: «*Уæ Хуыцауы хаймæ скасут. Цы уын лæгъстæ кæнын: раздæр уæм ма иунаг лæппуы йеддæмæ ничи рауайдзæни, æмæ мын-иу æй зианы цафтæ ма фæкæнут, æфсоны цаф æй ракæнут æмæ йæ уæлвæндаг баппарут, дæлвæндаг нæ.*» – Прошу вас вот о чем: сначала лишь мой единственный сын к вам выйдет, и не наносите ему смертельных ударов, для вида лишь ударьте его и бросьте **над дорогой**, но не **под дорогу**» [7, 364-365]. Отметим, что дифференциация *уæлвæндаг* – *дæлвæндаг* возможна лишь в горной обстановке, на горной дороге.

Половина дороги или пути *æмбисвæндаг* или *æрдæгвæндаг* также может восприниматься как часть дороги, определенный отрезок пути: «*Аздахта фæдисы æмæ та Созырыхъойы æрбайæфта æмбисвæндагыл.*» – Заставил он развернуться погоню и догнал Созырыко на **полпути**» [19, 187]; «*Æмбисвæндагмæ куыддæр рацъидысты, афта цыл дæлимонтæ ртыварæй æрбакалдысты.*» – Как только они вышли **на середину пути**, на них напали в три раза больше далимонов» [8, 168]; «*Æрдæгвæндагмæ куы ахæццæ сты, уæд Сырдон загъта...*» – Когда добрались они до половины пути, Сырдон сказал...» [12, 209].

Стороны дороги (*фæндаджы фарс*), по которой идет Созырыко, обладают приметами, несущими определенную информативную нагрузку. Их значение растолковывается герою впоследствии:

«– Куыд диссаг у, æз куы рараст дæн нæ-хицæй, уæд фæндагæн йæ иу фарс цъæх их уыд, иннæ – цъæх нæуу.

– Уый зымæг æмæ сæрд схæццæ уыдзысты, ‘мæ уый амонь. –

– Как удивительно, когда я вышел из дома, **одна сторона дороги** была покрыта синим (серым / зеленым) льдом, другая – зеленой травой.

– Это говорит о том, что зима и лето смешаются» [20, 698].

В эпических текстах упоминается и *фæндаджы был* – обочина. Часть дороги, которую путник видит перед собой, называется *развæндаг*: «*Кæмтты мигъ ныбадти, хæхтæм бырсы, нал уыны лæг рæстмæ йæ развæндаг*. – В ущельях осел туман, рвется в горы, не видит человек **дороги перед собой**» [18, 58]. Префикс *раз-* означает ‘перед’, ‘впереди’, антонимичен ему префикс *фæс-*, означающий ‘за’, ‘позади’, ‘после’ («*Фæндагыл дæр нæ, фæсвæндагыл дæр нæ*. – Ни на дороге, ни в **стороне от дороги**» [12, 269]). Здесь уместно вспомнить о линейном характере времени и его восприятию в разных культурах.

Д. С. Лихачев писал о том, что наиболее древние представления о времени, засвидетельствованные русским языком, были менее эгоцентричны, нежели современные: «Сейчас мы представляем будущее впереди себя, прошлое позади себя, настоящее где-то рядом с собой, как бы окружающим нас. В древней же Руси время казалось существующим независимо от нас. Летописцы говорили о «передних» князьях – о князьях далекого прошлого. Прошлое было где-то впереди, в начале событий, ряд которых не соотносился с воспринимающим его субъектом. «Задние» события были событиями настоящего или будущего» [21, 254]. Ситуацию в современном русском языке рассматривает Е. С. Яковлева на примере анализа оппозиции, представленной наречиями *впереди / позади*, автор приходит к выводу о том, что они «описывают встречное движение времени» [22, 77].

Однако М. Ф. Мурьянов считает, что временная ориентация, сформулированная

Д. С. Лихачевым, является специфической особенностью не древнерусского, а древнееврейского языка [23, 53]. Во всяком случае, подобная временная организация большинству ученых представляется более архаичной, нежели обратная. Как же осетинским языком передается ощущение прошлого и будущего? Относящиеся к прошлому события или вообще период времени – *раздæр / раздæры заман* – события, находящиеся впереди; лексемы образованы с помощью того же префикса *раз-* (перед). Будущее же мыслится позади: *фæстагæтты / фæстаг заманы* – в последнее время (*фæстаг* – задний, последний; *фæсте* – сзади, *фæстагмæ* – напоследок; *фæстагон* – последний, последующий, потомок; *фæстагæцыд* – отступление; *фæсдæуин* – букв. идущий сзади), где *фæс-* – ‘за’, ‘позади’, ‘после’ – первая часть сложения, восходящая к общеиндоевропейскому **ros-* ‘позади’, ‘после’ [24, 456]. В этом случае линейный характер в восприятии времени и в восприятии дороги идентичны (ср. дорога – жизнь).

Возвращаясь к группам сюжетов, актуализирующих мотив дороги, нельзя обойти вниманием сюжетную линию, включающую мотив путешествия Сослана в Царство мертвых и его возвращения. Обратный путь проделывают и некоторые другие персонажи (к примеру, Тотрадз или безымянный сын Уырызмага), оказавшиеся в Царстве мертвых и покидающие его на некоторое время. Здесь дорога представляет более сложное образование – связь разных миров. Для этого вида дороги действуют определенные законы, которые не характерны для дороги в привычном понимании. Здесь же более ярко проявляется хронотопичность: время возвращения героя в Царство мертвых строго регламентировано, он непременно должен вернуться до захода солнца. Особым правилам подчинен и уход из Царства мертвых – герою приходится прибегнуть к хитрости, чтобы за ним не последовали другие обитатели: подковать своего коня, повернув подковы в обратную сторону.

В осетинской традиционной религии особо почитается *Уастырдж* – покровитель путников; по народным верованиям, под его защитой находится вся Осетия. Образ *Уастырдж* не мог не найти отражения в эпических текстах (большей частью в «Нартиаде»), где он является действующим лицом наряду с другими героями, участвуя в завоеваниях и ответственных походах. В его ведении находятся все пути, а герои, перед тем как отправиться в путешествие, обращаются к нему с молитвословиями (что характерно и для традиционной религии осетин), в которых выражается просьба о благополучной дороге и счастливом возвращении. Легенды о Дарезанта содержат следующий отрывок: «*Уастырдж* сын *куынна* *зыдта сæ хъуыддаг*. **Фæндаджы был лæдзæгæй æркъуырдыта æмæ фæндаг фестæди:** «Гъе ууыл ныллæуут æмæ **ацы фæндаг уæ разæй цаудзæни**, Тандерты-Тундерты калакмæ уæ ныккæндзæн, комкоммæ ма бацауут, йæ кæроны аттейау æрбынат кæнут». – Как не знать было *Уастырдж* об их деле. Ударил он палкой **по обочине, и появилась дорога:** «Идите по ней, **и эта дорога будет идти впереди вас**, приведет она вас в город Тандерты-Тундерты, не входите в него прямоком, остановитесь на его окраине»» [25, 200-201]. Мотив появляющейся по велению «помощника» дороги более характерен для сказочной прозы, нежели эпических текстов, в которых находит единичное отражение.

В повседневной культуре осетин в адрес отправляющегося в дорогу человека произносятся различные благопожелания вроде: «*Уастырджий* *фæдзæхст у!*» (Будь под покровительством *Уастырдж*!), «*Уастырдж* *дæ рæствæндаг / фæндараст кæнæд!*» (Пусть *Уастырдж* направляет тебя по прямому пути!) и др. В связи с этим необходимым представляется и рассмотрение одного из базовых концептов осетинской традиционной культуры – формулы-благопожелания счастливой дороги «*фæндараст у!*», которая, конечно, отражена в эпических текстах в разнообразных вариациях («*Бæсты фарн дæ рæствæндаг фæкæнæд!*

– *Мировой фарн* пусть направляет тебя по верному пути!» [18, 443]; «*Стæй бараг дзурь Хæмыцмæ:* «**Дæ фæндаг раст, зæронд лæг!**» – Затем всадник говорит *Хамыцу:* «Пусть твоя дорога будет прямой, старик!» [17, 38]» и т.д.).

В «Осетинско-русском словаре» дают два варианта *фæндаг* *раст* и *фæндараст*: «доброе (счастливого) пути (пожелание, букв. прямая дорога)» [26, 444]. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» отдельной словарной статьи нет, но в рамках статьи *фæндаг* для лексемы *фæндараст* дан перевод «добрый путь (пожелание)». Кроме того, говорится: «Слово *fænd* неотделимо по происхождению от *fændag* ‘путь’» [24, 445]. Принято считать, что *фæндараст* образовано сложением лексем *фæндаг* ‘дорога’ и *раст* ‘прямой’. Если же предположить, что в первой части не *фæндаг*, а *фæнд* ‘замысел’, ‘план’, ‘намерение’, ‘желание’, то во второй части получаем *-араст* > *арæст*, восходящее, по мнению В.И. Абаева, к **arāz-*. «Сильный вид основы без преверба (**razyn*) в осетинском не сохранился, но ос. *rast* ‘прямой’ представляет старое прош. причастие от этого глагола» [24, 58]. Следовательно, *фæндараст* можно трактовать и как *фæнд арæст* ‘намерение / желание исполненное / устроенное’. Указанные трактовки не противоречат друг другу, так как восходят к единым общеиндоевропейским корням.

Семантически близким этим лексемам является *фæндиаг* ‘желанный’, ‘соответствующий желанию’. В связи с этим уместен следующий пример из «Легенд о Царциата»: «*Дæ фæндаг дæхи фæндиаг, фæлæ дæ фæдзæхсын:* *уæхимæ цаугæйæ дыл цыфæнды маст æмбæла, дæхи-у бауром, уу къухæй-уу иннæйыл ныххæц* – Пусть твой **путь оправдает твои ожидания**, но прошу (наказываю, предостерегаю) тебя: какая бы неприятность ни встретила тебе по пути домой, сдержись, придержи одной рукой другую» [13, 51]. В эпических текстах лексема *фæндаг*, в зависимости от контекста, может быть переведена не только как ‘дорога’,

‘путь’, но и как ‘путешествие’, ‘поездка’.

Кадаги о нартах дают нам представление и о других покровителях дороги, помимо Уастырджи. *Фандаджы бардуаг* – покровитель дороги предстает в следующем тексте:

«*Комы уырбынмае уад ныффардаг ис*
[*Ахсартаг*],

Уым фандаггарон къайын цырты цур
Урхил зæронд лаг хурфарсы бадтис,
Фызæрондæй йыл хъуына схæцъидис.
Йæ иу къухы уыд сиуджын тулдз лæдзæг,
Йе ‘ннае къухы та – æвдадзуат чъисса. –

В низину ущелья дошел он [Ахсартаг],
Там **на обочине** у каменного столпа
Седой старик сидел на солнечной стороне,
От старости покрылся он мхом.
В одной руке у него была ветвистая дубовая

палка,

А в другой руке – мешочек с лечебными травами
[27, 131].

Фандаджы бардуаг указывает дорогу, в его ведении находятся дороги и указывающие дорогу объекты (*цыртытæ*). Он хорошо относится к нартам, отвечает добром всем, кто заговорит с ним ласково. У покровителя дороги, как говорится в комментариях к тексту кадага, есть единственный сын *Гуыргъохъ-фыдвæндаг*, которого далимоны превратили в камень *Æдтавдæргъбын дур* и подвесили на железной цепи. Нартовские герои освобождают его по просьбе отца. И *Гуыргъохъ-фыдвæндаг* покровительствует путникам: сам он может попасть в передряги, но им обеспечивает прямую дорогу [27, 480]. Собственное имя *Гуыргъохъ-фыдвæндаг* состоит из двух частей: *гуыргъохъ* > *гуыргъахъ* / *гуыргъахъхъ* – «рытвина, ухаб, кочка; неровная, кочковатая дорога с рытвинами и ухабами», [26, 204] и *фыдвæндаг* > *фыд* (зло, неприятность) + *фæндаг* (дорога).

Раскрытию хронотопа дороги способствует и мотив встречи и встречного персонажа – *æмбæлаг*. Согласно народным поверьям осетин, от встретившегося на пути у вышедшего из дома человека зависит дальнейший исход дороги и всего дела. В кадагах речь идет не только о встречных людях, но и, к примеру, о нечистой силе:

«*Уырызмаг иугæндзон хæтæнты хатти*
‘мае та-иуахаемы хæтæнтæй æрцыди. Иу
коммае бахауди ‘мае ком-донбылтыл рараст
и. Йæ бæх иу бырцы цур йæ къæхтæ нысса-
гъта ‘мае размае нал цауы. Уырызмаг зæгъы:
«Размае ацу, цы кæныс?» Бæх дзуры: «Мае
размае фæстæмазæвæтджынтæй ис, æмае
цае искай куы фенон, уад нае фæндагæн тас
у». – Уырызмаг все время бывал в походах, как-то он опять вернулся из похода. Оказался он в одном ущелье и шел по берегу ущельной реки. У одного обрыва его конь уперся и не идет вперед. Уырызмаг говорит: «Иди вперед, что с тобой?» Конь отвечает: “Передо мной черти, и если я увижу кого из них, **то наша дорога** (путешествие) **будет в опасности** (под угрозой)”» [8, 270]. Как видим, со встречей связан ряд примет, часть из которых нашла отражение в эпосе. *Фыдæмбæлаг* (диг. *фудæмбæлаг*) – человек, встреча с которым несет несчастье, *растæмбæлае* – лицо, встреча с которым предвещает удачу.

Так, в другом кадаге Уырызмагу встречается сам небесный Уастырджи: «*Раздæхы*
Уырызмаг æмае йыл Уастырджи рамбæлы:

– *Дæ фæндаг раст уа, Уырызмаг!*

– *Дæ хъуыддаг дæр раст, Уастырджи!* – Возвращается Уырызмаг, и встречается ему Уастырджи:

– Да будет твоя **дорога прямой**, Уырызмаг!

– Да будет правым твое дело, Уастырджи!» [8, 249].

Выше были рассмотрены благопожелания, связанные с дорогой, но в эпосе встречаются и проклятия, пожелания неудачной, несчастливой дороги. Зачастую их высказывает встречный персонаж: «*Нарты Созырыхъо æмае Сырдон ацъдысты цуаны – балцы. Фæндагыл амбæлдысты иу чызгыл. Чызг фæцæйхаста дон къæрттайы. Сырдон фæхъавыд топпæй æмае чызджы дурын асаста. Чызг фæцæхаст ласта æмае загъта:*

– *Фыдвæндаг фæут!* *Афæдзæй афæдзæ цы къæвда скæндзæн, уый уыл иу бон æрцауад!* – Нартовские Созырыко и Сырдон ушли на охоту – в балц. По дороге встрети-

ли они одну девушку. Девушка несла воду в ушате. Сырдон прицелился из ружья и разбил ее ушат. Девушка вскрикнула и сказала:

– Пусть дорога ваша будет неудачной!

Дождь, который идет в течение года, пусть прольется за один день!» [20, 439-440].

«*Боратæ хæтæны цæуын фæнд скодтой – Уырызмаг, Хæмыц æмæ Созрыхъо. Нарты хидыхъусмæ куы ныццидысты, уæд Сыфыттæр æрбамбæлди сыл. Æрцахстой Сыфыттæры, арфа нын ракаæ, загъгаæ. Сыфыттæр сын загъта:*

– Ауадзут мæ, æмæ фаллаг фарсæй æрбаарфа кæндзынæн.

Ауагътой йæ. Сыфыттæр сæм дзуры:

– Æрбайхъусут мæм: **ахæм раст фæндаг фæут, æмæ ахæм мит æруарæд уыл, нæзыйæн йæ цъупп куыннæ уал зына, бæласы бын баззайут иу къуыри, уæ дзабырбынтæ бахæрут!**

Уыдон загътой:

– Цæуæм – æмæ **фыдвæндаг** кæндзыстæм, аздахæм – æмæ худинаг. – Бората собралась в завоевательный поход – Уырызмаг, Хамыц и Созрыко. Когда нарты подошли к предместью, им встретился Сыфыттар. Поймали они Сыфыттара, мол, пожелай нам добра. Сыфыттар говорит им:

– Отпустите меня, я с другого берега пожелаю вам.

Отпустили его. Сыфыттар говорит им:

– Послушайте меня: пусть будет у вас такой прямой дорога, пусть такой снег пойдет, чтобы не было видно вершины сосны, пусть неделю останетесь вы под деревом, съедите подошвы вашей обуви.

Они говорят:

– Пойдем – не сложится наш путь, вернемся – не избежать нам позора» [7, 203].

Синонимичным лексеме *фыдвæндаг* является словосочетание *æнамонд фæндаг*: «*Уырызмаг дын фæзæрдæфæлдæхт, загъта:*

– Ай мыл цы бæллæх сæмбæлдис, цæй **æнамонд фæндагыл** рацъидтæн! – У Уырызмага переменялось настроение, говорит он:

– Что за беда встретилась мне, по какой же **несчастливой дороге** я пошел!» [7, 244]

Встречный персонаж в некоторой мере

перекликается с провожатаям. Не раз встречается сюжет о том, как все нарты собираются на *кувд*, а в это время приходит незнакомец, который чаще всего общается с Шатаной и просит направить с ним к нартам на *кувд* кого-то из младших в качестве провожатая, чаще им оказывается Батрадз: «**Фæндаг мын чи ацæмонид** Хуыздæггæтмæ, иу ахæм мын мæмæ бафтау, бузныг дæ уыдзынæн, хорз ус. – Отправь со мной того, кто смог бы указать мне дорогу к Хуыздæггæту, буду тебе благодарен, добрая женщина» [17, 82].

Разумеется, богатый материал представляют и другие малые жанры – пословицы и поговорки о дороге, которыми изобилуют эпические тексты: «*Уалынмæ [Уырызмаг] бахæцца обаума. Лæппуы уæлхъус æруарæдта йæ Хъулоны æмæ йæм дзуры:*

– Уæлаемæ, лæппу; **фæндаг даргъ у, бон цыбыр у!** – Дошел он [Уырызмаг] до холма. Остановил своего коня Хъулона возле мальчика и говорит ему:

– Вставай, парень; **дорога длинная, а день короток!**» [7, 259].

Отличительная черта фольклорного текста – наличие устойчивых формул. Традиционные формулы, встречающиеся в «Нартиаде», самобытны и разнообразны; вызывают интерес их построение и перевод. Устойчивым формулам с семантикой дороги неизбежно присущи национальные особенности. В любой традиционной культуре есть система ритуалов, связанных с дорогой, рассмотрение их отражения в *кадагах* и легендах представляет особый интерес в рамках вопроса о соотношении мифа и обряда.

Таким образом, в эпических текстах, по сравнению с другими жанрами осетинского фольклора, хронотоп дороги предстает в самом широком понимании. Значения, которые придаются символу *фæндаг* (дорога / путь), отличаются разнообразием и насыщенностью. Герои эпических сказаний немыслимы без пространственного перемещения, постоянных походов, поисков, завоеваний. А представления о дороге – неотъемлемая часть национальной картины мира.

1. Левкиевская Е. Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 124-129.
2. Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Доклады III научной конференции «Рябининские чтения 99» (Музей-заповедник «Кижы»). Петрозаводск, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (дата обращения 18.06.14)
3. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М., 2003.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975.
5. Мамиева И. В. В поисках слова: Автор и герой: динамика взаимоотношений. Владикавказ, 2008.
6. Протт В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
7. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2003. Книга 1.
8. Сказания о Нартах: в 5 томах. Орджоникидзе, 1989. Т. I.
9. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе изд., испр. СПб.-М., 1882. Т. III, IV.
10. Дарчиева М. В. Завоевательные походы в осетинских сказаниях // Всероссийские Миллеровские чтения. 2012. Т.3. С. 289-300.
11. Меркулова И. И. Хронотоп дороги как объект междисциплинарного изучения и преподавания // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 232-234.
12. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2007. Книга 4.
13. Легенды о Царциата: эпос осетинского народа / Сост. Ф. М. Таказов. Владикавказ, 2007.
14. Сказания о Нартах: в 5 томах. Т. II // Мах дуг. 1996. № 9. С. 103-129; № 10. С. 70-104.
15. Гуриев Т. А. Кто есть кто в аланской Нартиаде. Словарь. Владикавказ, 1999.
16. Сказания о Нартах: в 5 томах. Т. III // Мах дуг. 2005. № 8. С. 74-111.
17. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2005. Книга 3
18. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2012. Книга 7.
19. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2010. Книга 5.
20. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2004. Книга 2.
21. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3 изд. М., 1979.
22. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
23. Мурьянов М. Ф. Время (понятие и слово) // Вопросы языкознания. 1978. № 2. С. 52-66.
24. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
25. Памятники народного творчества осетин. Сказания о Нартах и Даредзанах. Орджоникидзе, 1941. Вып. 5.
26. Осетинско-русский словарь / Сост. Б. К. Бигулаев, К. Е. Гагкаев, Т. А. Гуриев и др. Владикавказ, 2004.
27. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ, 2011. Книга 6.